

зации в рамках социальной системы. Перспектива эгалитарных исследований должна включать в себя определение условий возможности реализации социального эгалитаризма. Необходим дальнейший

детальный анализ вариантов эгалитарного проекта модерна с целью выявления глубинных философских и метасоциологических оснований, их критика и корректировка.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
2. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
3. Юм Д. О первоначальном договоре // Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1965.
4. Зиммель Г. Социальная дифференциация // Тексты по истории социологии 19–20 веков. М., 1994.
5. Милль Дж. Ст. Утилитарианизм. О свободе. СПб., 1882.
6. Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М., 1993.
7. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.
8. История теоретической социологии: В 5 т. Т. 4. СПб., 2000.
9. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала. Choses Dites. М., 1994.
10. Бурдьё П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.
11. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000.
12. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.
13. Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999.

Е.В. Еришова

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА (ЭПОХИ ПРЕ-МОДЕРНА И МОДЕРНА)

Томский государственный педагогический университет

Теоретические построения в трудах философов и социологов, отражающие систему взаимоотношений государства и общества, складывались в контексте социально-экономических, политических и социокультурных условий как попытка упрочить существующий политический строй, либо рассмотреть альтернативные варианты развития государства и общества. «Человек – существо социальное», справедливо полагал еще за три столетия до нашей эры Аристотель. Двадцать столетий спустя Ш. Монтескье, в подтверждение этой мысли, замечает, что «желание жить в обществе – один из естественных законов, которым подчиняется человек». Однако, продолжает французский просветитель, «общество не может существовать без правительства» [1, с. 5], подразумевая, видимо, что общество перестает быть таковым, если оно не управляется государственной властью. В наше время в наиболее распространенное понимание общества включены, по мнению П. Козловски, «различные социальные сферы, в том числе и сфера политическая, которая, однако, наделена властью над остальными и возможностью их контролировать» [3, с. 43].

Проблема взаимоотношения общества и государства – это проблема генезиса того и другого.

И как бы различные авторы ни строили свои умозаключения, есть две основные позиции в данном вопросе. Первая основана на позиции преобладания государства над обществом, что означает, что государство формирует общество. Другая, противоположная точка зрения, отстаивает примат общества над государством. Модели соотношения государства и общества, выстраиваемые разными авторами, находятся в зависимости от различий в этих подходах. Одновременно, перед ними встает задача определить некие нормы (моральные, правовые, религиозные), или, другими словами, базис, на котором строятся эти взаимоотношения. Ж.-Ж. Руссо в своем «Трактате об общественном договоре» отмечал, что прежде мыслителей волновали проблемы блага и справедливости, а его современники говорят только о материальной выгоде. Это замечание связано, на мой взгляд, с переменами, произошедшими в этической теории. Поэтому в данной статье предпринимается попытка проследить внутреннюю логику движения от одной модели к другой и выяснить, как взаимосвязаны изменения в политико-философской мысли и моральной философии.

Зачатки идей, которые позже составили концептуальный каркас различных направлений полити-

ко-философской мысли, появляются в трудах античных мыслителей. В античной концепции философская трактовка государства заключается в представлении о нем как о высшем воплощении человеческого разума.

Трудно говорить об античной модели соотношения государства и общества с позиций примата одного над другим, поскольку общество рассматривается неотъемлемо от государства, интерес общественный идентичен интересу государства. Аристотель сравнивает граждан государства с пловущими на одной лодке людьми, у каждого есть свои личные интересы, но все они «объединены единой целью», и эта цель – «успешное плавание».

Натурализм, теологизм, консерватизм (метафизичность), сращенность общества и государства – все эти особенности **античной классической государственнической модели** обусловлены спецификой античной этической теории. В ней утверждалось, что созданный Богом природный порядок (cosmos) – совершенен; совершенство – это благо, и общество-государство (polis) должно стремиться соответствовать этому божественному благу и идеальному порядку для достижения единства и гармонии с природой (cosmopolis). Стремление к идеалу, к благой жизни – в этом и заключается античное представление о добродетели. Отсюда следует направленность политики на заботу о благе общества и государства в соответствии с этическими нормами добродетели и справедливости и утверждение о том, что лучшим гражданином является благой (с моральной точки зрения) человек, а правителем должен быть мудрец-философ. Поэтому и проблема наилучшей (идеальной) формы правления была едва ли не основной в античной политической философии; теории государственного устройства, выстраиваемые Платоном и Аристотелем, отличаются метафизичностью, так как идеал не нуждается в дальнейшем совершенствовании.

К. Поппер упрекал Платона за то, что он посредством этики подчинил индивида государству, «сумел заручиться поддержкой гуманистических чувств и использовать их в интересах тоталитарного классового» [4, с. 158]. Однако Гегель был более объективен в оценке этой особенности платоновской мысли; он отмечал, что «отсутствие субъективности есть недостаток, присущий самой греческой нравственной идее» [2, с. 206–207].

Античные мыслители, современники христианства, хотя и не воспринимали последнего, но, считается, что именно они подготовили основу для теоцентрических представлений. Это, в частности, выработка достаточно строгого стиля мышления, умения развивать строгий логический принцип, а также понимание единого как блага. Рассматривая средневековую философию как продолжение анти-

чной, необходимо отметить общие особенности, свойственные политико-философским построениям античных и средневековых мыслителей. Во-первых, это то, что политике всегда сопутствует этика, поэтому и лучшим гражданином считается благой, добродетельный человек. Во-вторых, и в античности, и в Средние века люди стремились к созданию совершенного государства и обретению идеального правителя, что, в свою очередь, служит объяснением метафизичности вышерассмотренных теорий.

Тем не менее существенной особенностью и отличием средневековой церковно-государственной этико-христианской модели от античной стало изменение этических норм в соответствии с библейскими канонами. Основная часть гражданского населения отдалается от участия в политической жизни и управления государством, и добродетельная жизнь не подразумевает теперь активное участие отдельного человека в политической жизни, а соблюдение христианской морали делает возможным достижение индивидуального блага (или спасения), отличного от блага государственного.

Одну из первых попыток объяснить государственное устройство, не прибегая к теологической идее, предпринял Н. Макиавелли. Он выводил необходимость государства из эгоистической природы человека, из его стремления к личному интересу и самосохранению, что предполагает наличие силы, способной обуздать эгоизм отдельных граждан и установить порядок в обществе. Н. Макиавелли возложил эту задачу на государство, управляемое обладающим абсолютной властью правителем.

Впоследствии Т. Гоббс, поддерживая эту идею, утверждал, что современное государство нуждается в подавляющей централизованной власти суверена. Он, равно как и Н. Макиавелли, пытался провести границы и разделить государство и церковь, Бога и церковь, политику и мораль. Таким образом, взаимосвязь между государством и обществом в традиционалистской государственнической модели, назовем ее так, с одной стороны, становится более определенной (господство-подчинение), а с другой стороны, возникает необходимость ее нового обоснования. Т. Гоббс исходил из того, что при разности интересов всех граждан невозможно прийти к общему согласию иначе, чем подчинив их единому государственному интересу. Тем более, что согласно логике Ренессанса, человек становится мерой всех вещей, в том числе и морали. Если в Средневековье такой мерой был богочеловек Иисус Христос, то Гоббс счел возможным утверждать, что «государь – мера всех вещей». Суверен Гоббса определяет все: он вправе претендовать не только на управление людьми, но и на их имущество, жизнь и

даже на их внутренний мир (религиозные убеждения).

Однако почти одновременно возникает другое направление политико-философской мысли, представленной в трудах Дж. Локка и получившей дальнейшее развитие у Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо.

Они, безусловно, отходят от того понимания природы взаимоотношений между государством и обществом, которое представлено в «Левиафане» и «Государе», и не вызывает сомнения их неприятие подчиненного положения общества перед государством. Например, Ж.-Ж. Руссо, чтобы охранить права личности в обществе, предлагает «найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всю общию силою личность и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается свободным, как и прежде» [5, с. 207].

Как справедливо полагает М. Федорова, именно Ж.-Ж. Руссо впервые ясно и отчетливо сформулировал проблему индивида и общества в ее политическом измерении. Свою задачу Ж.-Ж. Руссо, равно как упомянутые Ш. Монтескье и Дж. Локк, видит в ответе на вопрос, каким образом можно построить общество, исходя из индивидуумов, по природе своей рожденных свободными. Таким образом, будет справедливым утверждение о том, что раннелиберальная модель связана с творчеством Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье и Дж. Локка. Для нее характерны положения о том, что общество состоит из отдельных индивидов, каждый из которых обладает волей и является свободным; что взаимодействие государства и общества должно происходить посредством законов и права; что социальные связи имеют своим источником волю и рефлексивные действия людей и что закон есть внешнее, искусственное творение человека. Кроме того, в ней развиваются представления о репрезентативной сущности власти, конечной целью которой является обеспечение самоидентичности социального целого, и о примате общества над государством и личностью гражданина.

И у Гоббса, и у Руссо создание государства осуществляется посредством общественного договора. Однако, если в традиционалистской государственной модели общественного договора морально-этические нормы определяются полновластным правителем, то философы, приверженцы раннелиберальной модели общественного договора, пред-

принимают попытку, с одной стороны, устранить одностороннюю связь «государство над обществом» и, с другой стороны, создать (или восстановить) некое понятие социальной справедливости, что отражено в попытке разрешения проблемы свободы индивида в обществе.

В раннелиберальной модели соотношения государства и общества, так же как и в традиционалистской модели, отражены перемены, произошедшие в этической теории, проявившиеся в попытках ее освобождения от христианской морали и осознании отличия индивидуальных интересов от государственных и общественных. У Т. Гоббса и Н. Макиавелли государь утверждает нормы поведения своих подданных. В противовес традиционализму Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, Дж. Локк предприняли попытку обосновать приоритет общественных интересов над государственным посредством легитимизации прав человека, нашедших свое отражение в теории общественного договора. Однако необходимо заметить, что и в раннелиберальной, и в традиционалистской модели этико-христианское обоснование норм взаимоотношения гражданина и государства вытесняется законами права, утверждаемыми общественным договором, провозглашенными сувереном (традиционалистская модель) или обществом (раннелиберальная модель) и направленными на достижение общественного блага.

Представление об общественном благе также изменяется, по сравнению с античной и этико-христианской моделью, в которых единство личных и государственных интересов (античная модель), личных и религиозных (средневековая модель) было обусловлено эталоном трансцендентного Блага. С отходом от христианской этики в эпоху Ренессанса приходит новое понимание блага, дифференцируемого в зависимости от интересов отдельных граждан, сословий и т.д. Поэтому соотношение государственного интереса с индивидуальным перестает осмысливаться с позиции единого, всеобщего и трансцендентного Блага, место которого занимает более «высокая» инстанция, чем мораль – принцип юридической легитимации.

В рамках решения этой проблемы выстраивают свои модели Т. Гоббс, Н. Макиавелли, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, Дж. Локк, защищавшие интересы общества (раннелиберальная модель) и государства (традиционалистская).

Литература

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск, 1998.
2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2. СПб., 1999.

3. Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. М., 1998.
4. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992.
5. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1998.

Л.А. Коробейникова, З.Ф. Метаква, О.В. Курачев, В.А. Зыков, Т.В. Шарпова

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТАТУСНОЙ РОЛИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВЛАСТИ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНОГО СОСТОЯНИЯ СОЦИАЛЬНОСТИ

Томский политехнический университет

Специфика культурного состояния постиндустриального периода характеризуется нарастанием информации, что трансформирует индустриальное общество знания. Исследуются позиции таких философов, как Е. Масуда, Г. Киссинджер, М. Кастельс, Д. Медоуз, Д. Белл, З. Бжезинский, Дж. Гэлбрейт, О. Тоффлер и др. Общество знания, свидетельствуя о превращении знания в информацию, стало называться информационным. Значение этого определения (Ф. Махлуп, Д. Белл, А. Турен) состояло в том, что оно указало на возможность новых исследовательских ракурсов, которые дополнили технологические и экономические начинания. В качестве таковых были предложены социологические, социокультурные и культурфилософские аспекты, как подлежащие исследовательскому вниманию. Так был осознан факт недостаточности одного лишь экономического аспекта в определении характера детерминации власти, который обуславливал властные отношения в период индустриального развития. Современное же постиндустриальное общество имеет в качестве основной детерминанты и собственного развития, и функционирования власти знания. Теоретическое знание в постиндустриальном обществе превращается в источник культурных инноваций.

Новая роль и информационный характер знания конституируют и новый тип культурного развития: информация устраняет субстанциальную фундаментальность материального фактора, заменяя ее на знаковую существования. Это обнаруживает себя в заступании эры потребления, доминировании сектора услуг над сектором производства, в возникновении, наконец, «четвертого» – информационного – сектора (после сельского хозяйства, промышленности и сферы услуг), который и инициировал «четвертую» – информационную – власть.

Информационность как фактор общества знания трансформирует его в следующих направлениях. Во-первых, оно теряет устойчивость и превращается в общество постоянного движения, непрогнозируемости и неопределенности развития. Во-вто-

рых, ведущей отраслью становится интеллектуальное производство. В-третьих, политическая система трансформируется «в демократию участия», а классовое состояние заменяется социально недифференцированными «информационными сообществами». Все это трансформирует и институт власти в направлениях, когда оказывается реальным свободный доступ к любой информации, доступность всех информационных технологий, автоматизация и роботизация сфер производства и управления, радикальная трансформация социальных структур.

В плане новых тенденций, которые характеризуют трансформацию социальной структуры как проблему информационного общества, сегодня говорится о том, что изменение статуса знания повлекло за собой формирование нового класса – оверстрата интеллектуалов, который оформляется как ведущий класс и по численности составляет более половины занятого населения. В этом факте сказывается нечто большее, чем простое перераспределение власти, поскольку изменения затрагивают не только структуру власти, но и ее основания. И если ранее факторами социальной власти являлись насилие и богатство, то сегодня в качестве таковых называется знание. Оно становится непосредственным источником и силы, и богатства, и власти.

В этой ситуации способ получения общественного богатства обозначается как «суперсимволическая экономика»: знания в силу общедоступности и демократичности подчинили силу и богатство. Возникает новая интерпретация власти как самоорганизующегося процесса взаимоориентацией и конфликтов; изменяются и ее источники, когда власть «распыляется», «рассеивается», входит скрытым образом во все социальные структуры, кардинально трансформируется их культурное обрамление.

Итак, в информационном обществе власть меняет свою социокультурную онтологию: она тоже становится информационной. Как таковая, она оказывается адекватной онтологии общества. Последняя, как представленная информационными потоками, не может иметь устойчивые основания. Из-